

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИЗУЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВ И ИХ СООБЩЕСТВ

М.В. ИЛЬИН*

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО ЛЕВИАФАНОВ. ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются морфологические свойства разного рода государств. Некоторые заданы программами воспроизводства и образуют внутреннюю форму политического порядка. Другие возникают в результате диффузии альтернативных модусов политической организации внутри сетей, образованных государствами.

Исторически осуществившиеся трансформации государств образуют поколения специфических типов государств и их систем, межгосударственных сетей.

Методологические перспективы зависят от нашей способности как различать внешние и внутренние формы, так и устанавливать их баланс и взаимное соотношение.

Ключевые слова: морфология; типы государств и их систем; поколения государств и их систем; трансформации; внутренние формы; внешние формы; воспроизводство; варьирование; дивергенция; диффузия; контаминация; конвергенция.

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, e-mail: mikhaililyin48@gmail.com;

Ilyin Mikhail, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com.

M.V. Ilyin

Family affinities of Leviathans. States in international systems

The article explores morphological qualities of different kinds of states. Some of those qualities depend on their internal blueprints and constitute inner forms of political order. Other properties developed due to diffusion of alternative modes of political organization through networks of state communities. They account to external forms of states. Respectively inner forms entail reproduction, variation and eventually divergence, while outer forms require diffusion and convergence.

Actual transformation of states shapes into a sequence of generation of specific types of states and their networks or systems of states.

Methodological prospects of research rest on our ability both to differentiate convergence and divergence as well as to establish their balance and mutual interface.

Keywords: morphology; types of states and state systems; generation of states and state systems; transformation; inner form; outer form; reproduction; variation; divergence; diffusion; contamination; convergence.

В этой статье развиваются идеи «Политического атласа современности» о связях между собственными характеристиками отдельных государств и их местом в мировом сообществе. Отправная точка – тезис общего «семейного дела Левиафанов»: государства могут возникать, становиться самими собой и развиваться только в сообществе себе подобных. Этот принцип проявился при формировании ячеистого слоя государств. Уяснить логику семейного дела Левиафанов помогает общий, неизбежно панорамный и очень приблизительный обзор возникновения и трансформаций основных поколений международных систем и типов входивших в них государств. На этой основе дается также самая общая характеристика нынешней конфигурации координатной сети мировой политики в виде ячеистого слоя территориальных государств. Многие особенности этой координатной сети и ее ячеек поддаются более адекватному и корректному представлению и интерпретации с помощью морфологических категорий внешней и внутренней формы. Побуждение коллег к внедрению данных категорий в практику политических исследований как раз и составляет главную задачу данной статьи.

Появление и формирование ячеистого слоя государств

В политической истории не раз случалось, что горстка борющихся за гегемонию политий попадала сначала в патовую ситуацию, а затем оказывалась связана взаимными сдержками и противовесами. Возникали более или менее устойчивые конфигурации противоборства и союзничества со своими способами поддержания хрупкого баланса.

Порой способы поддержания баланса позволяли сохранять сложившийся порядок довольно долго вплоть до нескольких поколений. Замечательные примеры дают переходящие один в другой периоды весен – осеней и воюющих государств в Китае. Сходные и структурно даже более четкие порядки описаны великим Чанакья (Каутилей) в своей «Артхашастре» как мандала нескольких властителей [Лелюхин, 2009, с. 69; Ильин, 2015, с. 266]. Однако рано или поздно даже такие замечательные институциональные ухищрения сметались более или менее полной имперской гегемонией или торжеством феодального, а то и варварского соперничества.

Лишь однажды – чуть больше пяти столетий назад¹ – подобная безотчетная институциональная новация в военно-политической сфере стала подкрепляться и закрепляться благодаря синергическому совпадению с рядом структурно сходных процессов неустойчивого равновесия в смежных сферах экономики, повседневного быта, новых технологий, социальных коммуникаций, языка и культуры [Сергеев, Бирюков, 1998]. Началось то, что мы привычно именуем модернизацией, зачастую недостаточно вдумываясь в противоречивость, многомерность и неоднозначность множества ее составляющих. При этом политические новации, сделавшие территориальные политии ячейками общего порядка, позволили развиваться своего рода операционному интерфейсу совершенно разнородных процессов, вылившихся в постепенно обретающую контуры и мощь модернизацию.

¹ Известна точная дата исходной военно-политической новации. 9 апреля 1454 г. на берегах реки Адда близ города Лоди был заключен мир между Венецией, Миланом и Флоренцией. К нему примкнули папа и неаполитанский король, провозгласив создание Итальянской лиги 2 марта 1455 г. В результате удалось прекратить кровопролитие в истерзанной войнами всей Италии дольше, чем на целое поколение – вплоть до начала Итальянских войн в 1494 г. См.: [Mattingly, 1988, p. 78–86; Ильин, 2011, с. 255–256; Ильин, 2013 b, с. 58–59].

Постепенно с большим или меньшим успехом некоторые моменты этой новации – увы, на побудительном фоне откатов и возрастания кровопролития – были вынужденно инкорпорированы во все более активные взаимодействия территориальных политий. Из фиксируемых – прежде всего мирными договорами – позитивных конфигураций этого взаимодействия стали прорисовываться структуры, а сами территориальные политии становиться ячейками соответствующих сетей.

Сами по себе первые сети были клочковатыми и неустойчивыми. Однако десятилетие за десятилетием они расплзались, уплотнились. Исподволь стало образовываться общее структурированное пространство. Оно оказалось удобным и функциональным не только для сдерживания кровопролития, но и для поощрения все большего числа политических, экономических и социальных новаций, которые принято включать в общую рубрику модернизации.

На старые сети очень примитивного, рамочного сдерживания насилия стали наслаиваться сети других полезных начинаний, как раз и связанных с набиравшей мощь модернизацией. Так мало-помалу одни относительно простые сети со своим набором ячеек стали превращаться в более сложные с новым и обновленным набором ячеек, которые тоже становились сложнее. Порой ячейки усложнялись и институционально совершенствовались быстрее. Тогда они экспортировали свои новации в сеть и трансформировали ее институты. Впрочем, был и противоположный процесс ареста и даже редукции институциональных новаций, например, по логике «царя горы» [Мельвиль, Стукал, Миронюк, 2013].

Главный принцип, повторим, заключается в том, что современные территориальные государства формируются не изолированно, а в составе международных систем. Типологические особенности вовлеченных в процесс государственного строительства политий, их возможности, потенциал, институциональный дизайн становятся факторами, определяющими характер системы. В то же время по мере своего формирования международная система оказывает мощное обратное воздействие на образовавшие ее политии. С помощью синхронизации ключевые для международной системы организационные принципы и практики внедряются в составляющие ее страны. Помимо этого система решительным образом влияет на эволюционный отбор типов своих единиц-членов, на их институциональный дизайн и даже на политические культуры.

Не менее важно, что качественное соответствие между определенными типами государств и межгосударственных систем позволяет объединить их в череду поколений. Деление на поколения определяется логикой модернизации и динамикой вызванных ею исторических процессов. При этом происходит не механическая «смена» по принципу одно поколение *вместо* другого, а их «наслаивание» и наследование одних другим по принципу новое поколение *вместе* с предшествующими, сохранными в «снятом», т.е. критически переработанном виде.

Развитие и сама модернизация обеспечиваются неоднородностью координатной сети и разнородностью ячеек. Именно они создают момент изменений и развития. Некоторые из государств-ячеек, входящих в систему общего поколения, живут скорее логикой предыдущего поколения, тогда могут найтись и такие, которые уже предлагают иную логику, которой только предстоит стать если не всеобщим, то уж точно типичным достоянием следующего поколения международных систем.

С самого начала модернизации состав государств отличается значительной пестротой, а международные системы высокой степенью асимметричности. По мере эволюции количество разновидностей государств уменьшается, а типологические, точнее, так называемые семейные сходства между входящими в них территориальными политиями становятся более отчетливыми. Асимметрия сменяющих друг друга международных порядков постепенно сглаживается. Однако эволюционная асинхронность отдельных государств и их типов не только сохраняется, но и создает необходимый момент организационной и функциональной дифференциации внутри международных систем. Сохраняющаяся же асимметрия международных систем также создает моменты развития.

В развитии и международных систем, и образующих эти системы государств периоды относительной стабильности политического порядка чередуются с кризисами. В ходе модернизации относительная длительность периодов порядка увеличивается, а кризисов – уменьшается, хотя и незначительно, по крайней мере, в нынешней ретроспективе пяти с половиной веков.

По мере развития государств и межгосударственных систем отчетливо прослеживается укрепление во внешней и внутренней политике начал, принципов и традиций законности, представительства и участия. Это позволяет государствам и международным

системам накопить институциональный и политико-культурный потенциал, необходимый, но пока недостаточный для адекватного ответа на основной императив современности (Модерна) – установление контроля над развитием [Ильин, 2003 а; Ильин, 2003 б].

Учет параметра эволюционной зрелости позволил осуществить реконструкцию исторических поколений координатной сети мировой политики. Национальные политики по-прежнему оформлены пространственным образом, имеют собственный «эволюционный возраст» и развиваются в соответствии со своей внутренней логикой и приоритетами. Да и сама ячеистая структура мировой политики, образуемая государствами, сформировалась и продолжает формироваться в специфических эволюционных и исторических условиях.

При всех своих темпоральных характеристиках ячейки координатной сетки могут обладать пространственными параметрами, структурными характеристиками, определяющими их место в сообществе государств. Наиболее очевидным критерием различия является размер – причем не абсолютный, а относительный. Он использовался еще Джованни Ботеро, который впервые показал принципиальную разницу между величайшими (*grandissime*), средними (*mezano*) и крохотными (*piccioli*) государствами [Botero, 1997, p. 3–7]. Для Ботеро, однако, размер государства не сводится к территории. За размером стоит некое подобие комплексного индекса. Он включает также численность населения, природные ресурсы, трудолюбие людей и созданные ими богатства, их долю в распоряжении властителя, его ресурсы господства, в частности вооруженные силы, а главное – общее благо страны, которое является одновременно и началом, и средством государства, его государственным расчетом.

В связке с размером следует учитывать целый ряд показателей, включая такой важный, как общественные блага (*public goods*). Последний параметр следует трактовать куда более четко, чем Ботеро, обращаясь к современной трактовке общественных благ как услуг, предоставляемых политическими институтами своим «клиентам» – от граждан до политических, экономических и прочих структур самого разного масштаба.

Распределение общественных благ является основанием универсальных классификаций государств. Важны не только и не столько их «натуральные» размеры (численность населения, раз-

мер территории, объем ВВП и т.п.), сколько относительный масштаб их участия в циркуляции общественных благ [Ильин, 2010; Ильин, 2012 d]. Структура мировой политики в значительной мере определяется направлением потоков общественных благ. Государства в этой глобальной системе становятся своего рода ячейками для организации и учета (подведения баланса) обмена общественными благами, которые могут производиться не только государственными ведомствами, но также транснациональными и субнациональными акторами. Плотность и интенсивность циркуляции общественных благ как раз и характеризуют масштаб отдельных ячеек или государств.

Соответственно появляется возможность выделить крупномасштабных поставщиков общественных благ или мегахосударства. Далее можно выделить участников циркуляции общественных благ, которые способны поддерживать баланс между получением и предоставлением общественных благ. Это макрогосударства. Оба объединяют нетто-получателей общественных благ. Одни при этом участвуют в циркуляции общественных благ – пусть и при дефицитном балансе. Они обладают в силу этого определенной долей самостоятельности. Другие же попросту не производят некоторых общественных благ, например, связанных с международной безопасностью, научно-технической деятельностью и т.п. Эти политики полностью зависят от поставляемых извне общественных благ. Предлагается различать эти группы как мини- и макрогосударства.

Структурные подразделения на мега-, макро-, мини- и макрогосударства в зависимости от распределения общественных благ сохраняются на всех этапах развития международных систем и составляющих их государств.

Поколения государств и их систем

В эмпирическом отношении проведенные исследования позволили выделить поколения государств и их систем, а также получить классификации государств для отдельных этапов эволюции международной системы государств от локализованной Итальянской лиги второй половины XV столетия до глобальной системы наших дней [Ильин, 2011; Ильин, 2012 а; Ильин, 2012 b; Ильин, 2012 с; Ильин, 2013 b]. Данные классификации отражают состав

международных систем государств. Этот состав, как и типичные для него государственные формы, существенно отличается для отдельных больших волн развития – Раннего Модерна (XV–XVIII вв.), имперско-националистического Модерна («долгий XIX век»), волны эволюционной паузы «короткого XX века» и нынешнего, незавершенного еще выхода из этой волны.

Выделенные в ходе эмпирического исследования классификации преимущественно отражают фазы консолидации и лишь частично фазы кризисов. При этом в рамках более мелких волн, охватывающих от половины столетия до двух десятилетий (исторически наблюдается постепенное сокращение темпоральной амплитуды волн), состав международных систем и наличные государственные формы варьируется менее значительно при переходе от одной волны к другой. Разумеется, что описываемая схема отражает логику задающих тон сегментов ячеистого слоя, его «ядра», если это слово применимо к сетям вообще. В ячеистом слое сохраняются также периферии своего рода – пережиточные ячейки прежних поколений или возникают разного рода девиации, которые могут создавать шумы и проблемы, а могут задавать потенциальные альтернативы для будущего.

В целом выявляется следующая логика волновой смены поколений международных систем и составляющих их государств [см.: Ильин, 2013 б].

Впервые сетевая структура баланса территориальных политик была опробована и принята в Северной Италии во второй половине XV столетия после заключения в 1454 г. так называемого Лодийского мира. Затем наступил кризис в виде так называемых Итальянских войн. Он был завершен Аугсбургским миром 1555 г. и установлением системы конфессионализма. Этот новый политический порядок был подорван новой серией религиозных войн, которые продолжались вплоть до середины XVII столетия и прекратились лишь с заключением Вестфальского мира.

В этот и непосредственно последовавший за ним исторический период менялись состав и конфигурация международных систем. Достаточно констатировать, что их образовывали территориальные политии разных масштабов:

- империи или составные политии (унии) имперского масштаба;
- королевства или иные крупные территориальные политии;
- княжества или иные мелкие территориальные политии;
- города или иные мельчайшие территориальные политии.

Историческая Вестфальская система включала три империи, а именно издавна претендовавшую на этот статус Священную Римскую империю, а также двух ее противников, возвысившихся до этого статуса в результате Тридцатилетней войны – королевства Франции и Швеции.

В состав этой системы входили крупные территориальные политии: экстраимперские (Испания, Англия, Нидерланды, Дания, а также по инерции Португалия, Речь Посполитая и Венеция) и внутриимперские – курфюршества. Кроме того в нее были также включены внутриимперские княжества или мелкие территориальные политии и города или мельчайшие территориальные политии.

Историческая Вестфальская система обеспечивала циркуляцию единственного общественного блага – военной безопасности в ее простейшей форме. Первые поколения международных систем, включая исторически действительную, а не абстрактную Вестфальскую систему, были в высшей степени асимметричны. Эти системы формировали единичные суверены, которые на вторых и третьих ролях принимали в свой клуб избранные политии, а всех остальных рассматривали как бесправные объекты своего манипулирования.

Подобный порядок просуществовал до эпохи революционных потрясений и Наполеоновских войн.

Даже немногие государства, уцелевшие в этом потоке революционных изменений, претерпели существенные изменения. Восстановленные после Венского конгресса, например, королевство Франция или Швейцарское клятвенное сотоварищество уже были обречены стать фактически новыми государствами. Для абсолютных монархий не осталось места. В лучшем случае их удавалось заменить на легитимистские монархии. Происходило повсеместное обновление монархий за счет их ограничения, усиления представительных и парламентских начал и даже конституционализма. Формируются – первоначально на периферии международной системы за океаном – современные республики, которые постепенно становятся все более распространенной формой организации территориальных политий.

Постепенно уменьшается пестрота состава сообщества суверенных государств, количество специфических разновидностей и единичных уникальных отклонений. Происходит диффузия образцов государственного строительства, норм конституционализма и

парламентаризма. Все активнее используются институциональные решения, доказавшие свою эффективность в относительно успешных странах – прежде всего Великобритании и, отчасти, во Франции.

На протяжении всего XIX столетия, включая даже кризисные периоды, происходило нарастание сетевых взаимодействий как между государствами, так и внутри национальных политий. Эти процессы консолидации сопровождаются постепенным изменением представлений о природе власти и политического порядка. В предыдущую эпоху наиболее успешная практика государственного строительства вполне логично сочеталась и оправдывалась идеей разума как источника и основания политического порядка, верховной власти и ее суверенности. Еще более архаичные идеи об их сакральном источнике уже становились все более и более маргинальными. Новые идеи о народе как источнике суверенной власти при всем своем мощном распространении стали действительно заметными и значимыми только в эпоху революций и Наполеоновских войн.

Все эти изменения существенно сказываются на составе и способах циркуляции общественных благ. Количество благ и их разновидностей растет. Появляются все новые и новые способы их распределения – первоначально на локальном или национальном уровне. Медленно, но верно происходит расширение сетей циркуляции общественных благ. Все более диверсифицированными и сложными становятся многосторонние гарантии и интервенция. Нарастает транснациональный обмен людьми, товарами, услугами и капиталом. Формируются и уплотняются информационные и транспортные сети.

Вместе с тем XIX век – это эпоха торжества империалистической и националистической гегемонии. При общем расширении пределов международной системы и ее окончательном свертывании в глобальную, сферическую по конфигурации структуру сокращается общее число государств. Слоистость, многоуровневость международной системы скрадывается, а общая логика редуцируется к некому подобию теоретической Вестфальской системы ячеек как биллиардных шаров. Прежние и новые ячейки всемирной сетки территориальных политий унифицируются. Они либо прямо включаются в пространства имперского господства, либо попадают в сферы их воздействия. Все это делает клуб великих держав естественным и единственным распорядителем системы циркуляции

общественных благ, а большую часть остального мира – зоной колониального господства. Столь резкое нарастание асимметрии международной системы и диспропорций в масштабах ячеек мировой координатной сети привело к «закупорке» каналов циркуляции такого важнейшего общественного блага, как безопасность, что спровоцировало мировую империалистическую войну.

После Первой мировой войны начинается процесс реструктурирования мировой системы. Глобальная координатная сетка получает оформление сначала в виде Лиги Наций, а затем и Организации Объединенных Наций. Начинает реализовываться принцип национального самоопределения, который вопреки идеологически возобладавшей его этнонационалистической трактовке в структурно-функциональном плане сводится к самоопределению, точнее, признанию территориальных политий суверенными нациями-государствами. При этом государственное (так будет точнее) самоопределение санкционируется прежде всего великими державами и влиятельными макрогосударствами.

Проявляется противоречие между, с одной стороны, участием все большего числа территориальных политий в функционировании как претендующих на универсальность международных организаций, так и глобальной координатной сетки в целом, а с другой – постоянным воспроизведением гегемонии противоборствующих полюсов международного господства.

Данные тенденции проявляются в динамике. Смена поколений и фаз развития демонстрирует отчетливую логическую последовательность.

Первое поколение, образованное фазой относительно успешного функционирования Лиги Наций и первой волны демократизации с контрфазой краха системы коллективной безопасности и тоталитарного отката, характеризуется отрицанием гегемонии и одновременно ее парадоксальным утверждением. При этом суверенное равенство государств и гражданское равенство людей составляют важное позитивное достижение данного этапа развития.

Второе поколение охватывает фазу консолидации системы ООН и второй волны демократизации с контрфазой кризиса 1960-х годов. Здесь гегемония сверхдержав постепенно изживается за счет новаций, связанных с распространением практик эмансипации в разных формах и на разных уровнях политической организации.

Третье поколение формируется фазой так называемого хельсинкского процесса и третьей волны демократизации с контрфазой кризиса 1980-х и начала 1990-х годов. Здесь новую, более глубокую трактовку получают принципы суверенного равенства государств и гражданского равенства людей. Однако вновь, как и в рамках первого поколения, упрощенное и прямолинейное внедрение этих принципов ведет к парадоксальному на первый взгляд, но вполне понятному в логике настоящей статьи возрождению гегемонистских тенденций.

Середина 1970-х годов отмечена формированием международной Хельсинкской системы и началом волны демократизации, а точнее, политического участия все большего числа стран мира. В ходе предшествовавшего этому кризисного периода 1960-х и начала 1970-х годов возникает множество новых государств.

Четвертое поколение включает фазу спонтанного формирования униполярной системы гегемонии США и четвертой волны режимных трансформаций с контрфазой кризиса американской гегемонии и проблематизацией режимов национальной гегемонии во многих странах мира. Здесь вновь гегемония подрывает саму себя и создает контекст и условия для нового обращения к принципам суверенного равенства государств и гражданского равенства людей.

Соответствующие волнам развития поколения международных систем и составляющих их политий консолидируются благодаря распространению и признанию определенных принципов политической организации. Она далеко несводится к производству и распределению общественных благ, но также создает и другие институциональные возможности. Соответствующие принципы и возможности на практике реализуются далеко не всеми государствами и далеко не в полной мере. Наряду с ними существуют также альтернативные принципы, которые либо сохранились с прошлых времен, либо остаются новациями, спецификами, а то и патологиями отдельных стран или даже более мелких политических образований. Фактически можно говорить лишь об относительном преобладании неких моделей и модальностей политического поведения и взаимодействия. Вместе с тем и относительного преобладания порою бывает довольно, чтобы сделать тот или иной набор принципов интегратором определенного поколения политической организации. Зачастую возникают альтернативные наборы прин-

ципов, противоречивое столкновение которых позволяет образовывать конфликтные системы – международные, национальные и даже локальные.

Эмпирический анализ волн государственного строительства и развития международных систем позволил соединить различные масштабы (уровни, диапазоны, горизонты, тренды) как широты, так и глубины мировой динамики. Например, современные государства и образуемые ими системы не есть нечто непосредственно наблюдаемое в 2012 г., а куда более сложный и многослойный феномен, который каждый раз по-разному предстает при его анализе в масштабе последних двух десятилетий гегемонии США, в масштабе волн демократизации XX столетия, в масштабе социальных сдвигов, вызванных промышленной революцией, в масштабе экспансии европейского миропорядка, начавшегося вслед за Великими географическими открытиями и т.п. Меняется масштаб и при рассмотрении мировой динамики с точки зрения отдельного «точечного» актора – того же государства – или же совокупности таких акторов в национальном, региональном или глобальном изменении. При этом переход от одного масштаба к другому, как в темпоральных, так и пространственных измерениях, не означает, что из поля зрения можно полностью исключить все остальные масштабы. Изменчивость масштабов сама становится важнейшей характеристикой глобальной динамики.

Нынешние конфигурации ячеистого слоя

Нынешние конфигурации ячеистого слоя многомерны. В нем отложились институциональные характеристики различного темпорального масштаба. Ячейки в одном масштабе обладают одним набором характеристик суверенности, а в ином масштабе – иным. Их характеристики и возможности варьируются с учетом их многомерности и изменчивости. Сами эти возможности разнятся в зависимости от места того или иного государства в сообществе других суверенов, от того исторического опыта и, соответственно, возможностей, которые были им накоплены, и т.п. Это означает, что суверенность государств не сводима к тому или иному набору прерогатив, а включает куда более широкий спектр возможностей, которые могут использоваться в масштабах отдельного локуса (пограничный пе-

реход, таможенное управление и т.п.), региона (ЕС, СНГ, АСЕАН и т.п.) или всего глобального сообщества (ООН и ее учреждения).

В ходе реализации проекта были получены эволюционные типологии отдельных групп государств, а также эволюционные модели отдельных казусов, которые могут рассматриваться в качестве прототипических. Так, наименьшую дивергенцию и максимальное накопление морфологического разнообразия государственного строительства демонстрируют страны западноевропейского ядра или так называемого пояса городов. Это страны Бенилюкса и Швейцария. Фактически Швейцария может рассматриваться как своего рода прототип.

Помимо базовой группировки западноевропейского ядра выделяются несколько типов раннего государственного строительства. Эти типы отличаются преимущественно разной локализацией в роккановской модели концептуальной карты Европы.

На этом относительно благополучном фоне выделяются группировки государств, возникших в поздних волнах государственного строительства, например в рамках второй волны демократизации и связанной с ней деколонизацией.

На основе эволюционных типологий вырисовывается общая генеалогия мировой системы государств и их важнейших типов. При этом происходит умножение сложности общественных благ и способов их производства и распределения. Отдельные государства либо сохраняют свои параметры мега-, макро-, мини- и макрогосударств, либо переходят из категории в категорию в основном за счет появления новых и исчезновения старых ячеек межгосударственной сети.

В конечном счете складывается нынешняя конфигурация международной системы и сосуществующих ныне форм государственного устройства.

Сейчас ООН включает наряду с долгожителями, имеющими четырех-пятисотлетний опыт суверенов различных разновидностей (Великобритания, Нидерланды, Швейцария, Испания, Португалия, Швеция, Дания и др.), больше десятка типов иных политических образований. Одни сформировались на западноевропейских перифериях или вновь образовались путем слияния (Германия, Италия) или разделения (отделения от) исходных членов клуба суверенов (Норвегия, Ирландия, Финляндия, Исландия и т.п.). Другие были созданы как бы на пустом месте по западноевропейским лекалам (США, Канада, Австралия и т.п.). Третьи включились в междуна-

родную систему со своими особыми цивилизационными традициями и специфическими структурами неевропейской политической организации (Россия, Япония, Китай и т.п.). Четвертые подверглись сложной переработке по модели «гибели-и-возрождения» (Индия, Египет и т.п.). Пятые заставили признать себя путем решительного сопротивления давлению великих держав (современная Турция, Эфиопия, Таиланд и т.п.). Шестые в разные исторические эпохи искусственно формировались великими державами (Греция, Албания, страны «малой Антанты» и т.п.). Седьмые послужили простым оформлением тех или иных территорий (Микронезия и многие другие подобные островные образования, ряд африканских государств и т.п.) при фактическом сохранении внешнего контроля – нужно было формально заполнить «бреши» в глобальной ячеистой структуре. Наконец, возникло несколько поколений и типов постколониальных политий, в большей или меньшей степени развивших альтернативные версии государственности.

Нынешняя структура ячеистого слоя стала результатом весьма прихотливого взаимодействия внешних и внутренних факторов институционального строительства. Эффекты их действия можно выявить и проанализировать с помощью довольно грубых категорий статусности и состоятельности, а также более тонкого различения внешней и внутренней формы.

Внешняя и внутренняя форма

Еще на завершающем этапе работы над «Политическим атласом современности» было констатировано, что «присоединение к международной системе все новых участников способствует появлению у них некоторых общих или аналогичных черт политического устройства, идентификации и т.п.» [Ильин, 2007]. Одновременно различались «статусность как принадлежность к сообществу государств-состояний» (statehood), а также их «состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния» (stateness)» [Ильин, 2007]. Они позволяли различить то, что получалось в результате наведения общих институциональных решений сетью (статусность), и то, что порождалось собственными возможностями отдельных ячеек (состоятельность).

В цитированной статье отмечалось, что «статусность преимущественно, хотя и не исключительно, относится к месту политий в координатной сети, т.е. к их внешнеполитическим особенностям, а состоятельность – к собственным, в основном внутривнутриполитическим возможностям. При этом нужно учитывать, что у статусности есть и внутренние аспекты, а у состоятельности – внешние. Грубо говоря, статусность можно соотнести с разными сторонами – внешними и внутренними – признания властного режима, а состоятельность с его возможностями – тоже внешними и внутренними)» [Ильин, 2007].

Данные оговорки и уточнения только отчасти проясняли соотношение внешних и внутренних моментов государственности. Как показали дальнейшие исследования [Ильин, 2016 а; 2016 b], в значительной мере интуитивное различие статусности и состоятельности, подсказанное наличием соответствующей терминологической пары в англоязычной политической науке, находит более основательное и системное понимание с помощью общеморфологических категорий, в частности внешняя и внутренняя форма [Ильин, 2016].

Более эффективным и точным оказывается использование общеморфологических категорий внешней и внутренней формы. Хотя они еще не получили широкого признания в научном мейнстриме институциональных и сравнительных исследований, это фундаментальные категории морфологии как глубинной методологической основы подобных исследований. Вообще термины *форма* и *формальный* употребляются зачастую крайне произвольно, становятся растянутыми жужжалками (*overstretched buzzwords*). Они легко тривиализуются до почти полного лишения смысла. На этом фоне особенно разумно обратиться к базовым принципам морфологии в ее наиболее отчетливых, классических проявлениях.

Решительный шаг в создании научного аппарата морфологии сделал великий Гёте в своем «Опыте объяснения метаморфоза растений» [Гёте, 1957]. Используя понятия метаморфоза и морфологии, он предложил абстрактную модель растения как биологического явления. Гёте продемонстрировал, например, что отдельные органы растений являются лишь превращенными формами или метаморфозами листа. Создание формальной модели растения «прямо вело к следующему важнейшему обобщению: систематическое выявление гомологических сходств любых типов явлений позволяет находить их прафеномен (*Urphänomen*) или обобщен-

ный морфологический аналог и своего рода порождающую модель» [Ильин, 2016 а]. Данная модель была, выражаясь современным языком Матураны и Варелы, автопоэтической, самотворящей. Она из себя самой порождала явления.

Важный шаг в морфологических изысканиях сделал Вильгельм фон Гумбольдт – один из ярчайших преемников и продолжателей гётевских начинаний. Он расширил трактовку прафеномена, включив в него также и практическое осуществление задаваемых их алгоритмов самотворения. Это он назвал внутренней формой, специально сфокусировав внимание на внутренней форме языка, но придавая внутренней форме общеморфологическую значимость.

Гумбольдтовские идеи были и остаются крайне эвристичными. Однако более простые, быстрые и эффективные для частных, сфокусированных на конкретных вопросах исследований давали редуцированные методики порождения форм, выстроенные, например, по иерархической логике лестницы жизни (*scala naturae*). Таким путем пошел создатель лингвистической морфологии Август Шлейхер [Schleicher, 1859], который вместе с целой плеядой первого поколения индоевропейцев разработал теоретико-методологическую концепцию родословного древа языков (*Stammbaumtheorie*) [Schleicher, 1861]. Она предполагала, что все языковые формы логически, по строгим законам порождаются из ранних форм путем дивергенции. Она позволила, к примеру, осуществить великолепные реконструкции исчезнувших языков или несохранившихся языковых форм исходя из внутренней логики формообразования.

Однако все эти замечательные результаты были очень методологически однобоки и были отмечены существенным изъяном. Внешние воздействия либо вообще исключались, либо трактовались как чисто случайные помехи, которые могли, впрочем, дать неожиданные и порой важные, но системно необъяснимые и необъясняемые результаты.

Прямо противоположный поход был предложен наиболее неортодоксальными индоевропейцами следующего поколения Иоганнесом Шмидтом и Гуго Шухартом. В основу предлагалось положить внешние воздействия и влияния, которые как раз и порождали новые формы или модифицировали старые. Была выработана волновая теория (*Wellentheorie*) [Schmidt, 1872]. Движущей

силой образования форм становится конвергенция. Формы передаются от одного языка или диалекта к другому, распространяются из центра инновации к периферии, постепенно затухая и образуя своего рода волны. Тем самым семейному родству через порождение (descent) противопоставляется семейное же свойство через брак (affinity). Любопытно, что первый морфолог Гёте использует в названии своего знаменитого романа выражение *избирательные сродства* (Wahlverwandschaften), а философ Витгенштейн предпочитает говорить о *семейном сходстве* (Familienähnlichkeit, family resemblance)».

Следующий научный прорыв был сделан биологами в рамках морфологии растений. Великий датский ботаник Эугениус Варминг выдвинул новаторскую концепцию жизненной формы (livsform) растений или биоморфы в дополнение к категориям вида и особи, отдельного организма. Одни и те же наблюдаемые феномены, оставаясь и уникальными организмами, и типичными представителями вида, можно очень эффективно и эвристично объяснить как формы их включения в среду [Warming, 1895].

Один из его учеников – Вильгельм Людвиг Йогансен сделал следующий шаг и выделил генотип и фенотип [Johannsen, 1905]. Дальше категория формы жизни была использована политологом Рудольфом Челленом. Он рассматривал государства как формы жизни, обусловленные взаимодействием со своими средами – природной, хозяйственной, международной и т.п. [Kjellen, 1916; Челлен, 2008]. Психолог Эдвард Шпрангер связал жизненные формы с типами личности [Spranger, 1914; Spranger, 1921], а философ Людвиг Витгенштейн – с практиками лингвистических игр (см. пункт 241 [Wittgenstein, 1953]).

Что же дает или может дать различение внешней и внутренней форм для развития методологии сравнительного изучения государств? Что это различение добавляет к нашему пониманию сетевой структуры ячеистого слоя? Прежде всего трактовку происходящих процессов как дивергентных и конвергентных, а дивергенцию и конвергенцию как основу формообразования. Соответственно, сложившиеся и относительно устойчивые формы удобно и эвристично трактовать с точки зрения баланса конвергенции и дивергенции.

Трактовка координатной сети ячеистого слоя как совокупного результата взаимных процессов конвергенции и дивергенции открывает доступ к открытости и в этом смысле неокончателности всей этой системы. Ее свойства становятся доступны для изучения.

Появляется возможность пойти дальше простого вычленения как будто бы закрытых фрагментов системы и формально моделировать их в терминах зависимых и независимых переменных, векторных, однонаправленных связей между причинами и следствиями. С точки зрения общих методологических принципов моделирование можно начинать в любой интересующей нас точке, например, в состоянии ячейки на определенный момент, а затем разворачивать в любых направлениях пространства и времени, точнее пространства-времени. Это, однако, лишь теоретико-методологический принцип. Его применение в практике исследований предполагает выработку конкретных методов и методик, если не с нуля, то практически с неосвоенных современной наукой позиций. Подобного рода методологическое творчество может и должно стать основным научным вызовом для нового этапа изучения «семейного дела Левиафанов».

Список литературы

- Гёте И.В.* Опыт объяснения метаморфоза растений // Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: АН СССР, 1957. – 556 с.
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю.* Формирование новых государств: Внешние и внутренние факторы консолидации // Полис: Политические исследования. – М., 2010. – № 3. – С. 26–39.
- Ильин М.В.* Большие и малые волны государственного строительства // ПОЛИТЭКС. – М., 2012 г. – № 4. – С. 17–45.
- Ильин М.В.* Включение новых государств в международные системы: Сравнительный исторический анализ // Модернизация и политика: Традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.
- Ильин М.В.* Влияние имперского наследия, форм и порядков управляемости на развитие // Модернизация и демократизация в странах БРИКС / И.М. Бусыгина, И.Ю. Окунев (ред.). – М.: Аспект-пресс, 2015. – С. 261–292.
- Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2008. – № 4. – С. 8–41.
- Ильин М.В.* Волны трансформации мирового порядка: 1970–2000-е годы // Сравнительная политология: Трансформация мирового порядка, региональных режимов и государственности. – М.: Аспект-Пресс: МГИМО, 2013 г. – С. 17–22.
- Ильин М.В.* Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т.А. Шаклеина, А.А. Байков (ред.). – М.: ЗАО Издательство «Аспект-пресс», 2013 г. – С. 54–68.

- Ильин М.В.* Имперская форма и политические порядки различной эволюционной сложности // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013 с. – № 3. – С. 98–116.
- Ильин М.В.* Масштабы мировой политической динамики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012 с. – № 4. — С. 31–51.
- Ильин М.В.* Морфологический анализ от реконструкции прафеноменов и праформ до морфогенетики и эволюционной морфологии // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Вып. 6: Способы представления знаний. – В печати.
- Ильин М.В.* Политическая глобализация: Институциональные изменения // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. – М.: Альбина паблишер, 2003 а. – С. 193–248.
- Ильин М.В.* Признание государства в контексте эволюции мировой системы // Международные процессы. – М., 2012 б. – № 2. – С. 18–27.
- Ильин М.В.* Россия как создатель международных общественных благ // Вестник Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Брюсова. Вопросы руссиеведения. – Ереван, 2012 д. – № 1(24). – С. 5–11.
- Ильин М.В.* Структурные параметры неблагополучия государств // Асимметрия мирового суверенитета: Зоны проблемной государственности / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО, 2010. – С. 20–47.
- Ильин М.В.* Суверенитет: Развитие понятийной категории. – Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под. ред. М.В. Ильин, И.В. Кудряшова. – М.: МГИМО, 2007. – 228 с.
- Ильин М.В.* Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 186–189.
- Ильин М.В.* Типы и разновидности политик мирового развития // Состязание старых и новых политик мирового развития / Е. Лобза, К. Костюк (ред.). – М.: Московское представительство Фонда им. Конрада Аденауэра: НП «Редакция журнала «Полис», 2003 б. – С. 7–32.
- Лелюхин Д.Н.* Коллективные органы управления и их роль в структуре индийского государства // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 56–72.
- Мелешкина Е.Ю.* Постимперские пространства: Развитие территориальных политик в условиях неконсолидированных границ // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Мелешкина Е.Ю.* Институциональные альтернативы становления новых государств в Восточной Европе в XX – начале XXI века: Дис. ... доктора полит. наук, специальность 23.00.02. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 258 с.
- Мелешкина Е.Ю.* Государственная состоятельность постсоветских территориальных политик // Сравнительная политика. – М., 2011. – № 2. – С. 118–132.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К.* Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: Опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 3. – С. 164–183.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г.* «Царь горы», или Почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 125–143.

- Мельвилль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 8–30.
- Мельвилль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Методология универсального сравнения мировой политики // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2007. – № 3. – С. 16–42.
- Политический атлас – 2: Мировой кризис, мегатренды и анализ нелинейной динамики политического развития / А.Ю. Мельвилль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, В.М. Сергеев, И.Н. Тимофеев // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 98–104.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / А.Ю. Мельвилль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полуниин, Н.И. Тимофеев. – М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. – 272 с.
- Челлен Р. Государство как форма жизни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
- Frobenius L. Paideuma. Umriss einer Kultur- und Seelenlehre. – München, 1921. – 125 S.
- Goethe J.W. Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären. – Gotha, 1790. – 86 S.
- Humboldt W. Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen. – Darmstadt, 1792. – Repr. 1967.
- Humboldt W. Plan einer vergleichenden Anthropologie // Humboldt W. Werke in fünf Bänden / Von A. Flitner, K. Giel. – Stuttgart: JG Cotta'sche Buchhandlung, 1980. – Bd 1. – S. 337–375.
- Humboldt W. Über das Entstehen der grammatischen Formen, und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung. – Berlin, 1822. – Repr. 1985.
- Humboldt W. Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung. – Berlin, 1820. – 252 S.
- Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Berlin, 1836. – 414 S.
- Factors of Post-Soviet stateness: Basic research program / M. Ilyin, T. Khavenson, E. Meleshkina, D. Stukal, E. Zharikova / NRU Higher School of Economics. Working papers. – М., 2012. – N 3. – 44 p. – (Series: Political science. WP BRP 03/PS/2012). – Mode of access: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/58953106> (Дата посещения: 29.08.16.)
- Ilyin M., Meleshkina E., Stukal D. Two decades of Post-Soviet and post-socialist stateness // REGION: Regional studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. – Seoul, 2012. – N 1(2). – P. 177–211.
- Johannsen W.L. Arvelighedslærens elementer. – Copenhagen, 1905.
- Kjellen R. Staten som livsform. – Stockholm: Hugo Gebers, 1916.
- Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Weimar, 1861. – Bd 1.
- Schleicher A. Zur Morphologie der Sprache. – St. Petersburg: Eggers und Comp, 1859. – 38 S. – (Mémoires de Académie Impériale des Sciences; T. 1, N 7).
- Wittgenstein L. Philosophical investigations. – Oxford: Blackwell Publishing, 1953. – 464 p.